

Экспертное сообщество Беларуси и России активно участвует в осмыслении проблем союзного строительства и часто обозначает его самые сложные участки. В этом номере редакция «СВ» организовала заочный «круглый стол» и предложила аналитикам обсудить ряд самых острых и дискутируемых вопросов. Что препятствует рассмотрению и принятию Конституционного акта Союзного государства Беларуси и России? Какие проблемы есть у наших стран на пути к Единому экономическому пространству в рамках Таможенного союза? Какие шаги необходимо предпринять для создания единой валюты на территории Союзного государства?

Сергей МУСИЕНКО, директор Аналитического центра Есоом:

— Единая валюта была идеей первого премьера независимой Беларуси Вячеслава Кебича, которую он хотел осуществить еще в 1993-1994 годах. Однако, как показал опыт стран Евросоюза и проблемы, которые повлек за собой их переход на единую валюту, подходы в этом очень тонком деле должны быть тщательно взвешенными, так как последствия могут стать совершенно непредсказуемыми.

Некоторые горячие головы и сегодня не устают предлагать ввести российский рубль в качестве единой валюты стран Союзного государства. Но при этом немедленно возникают вопросы: на каких условиях это произойдет, где будет находиться эмиссионный центр? За годы независимости в Беларуси очень многие поняли и осознали,

сколько дорого стоит суверенитет. И готовы отстаивать его.

В 1993-1994 годах у Вячеслава Кебича подобный замысел в принципе мог бы реализоваться. Сегодня же к подобным перспективам я испытываю большой скепсис. Уже слишком заметны стали различия в общественных моделях. Белорусский рубль сегодня во многом олицетворяет именно белорусскую общественную модель социально ориентированного государства, равно как и независимость республики в целом. Вспомните 1998 год, российский «черный вторник». Не наша была в нем вина, но белорусы искренне пережили его последствия с братским народом. И не позволяли себе издевательские телесюжеты и комментарии, сводящиеся к одному — «вы не так жили». Так мы жили! Даже со стороны Украины и стран Евросоюза не наблюдается такого злорадства, которое мы видим сей-

час по отношению к себе со стороны нашего партнера по Союзному государству...

Внутри самой Беларуси больше всего достается сегодня нашему правительству — столь молодому, что оно не успело себя еще и проявить-то толком. Сейчас оно невольно «съедает» на наших глазах рейтинг доверия к президенту, так как собственного еще не имеет. Но обратите внимание на главное его отличие от правительств иных стран: оно пытается выйти из кризиса прежде всего за счет государства, а уже потом — за счет населения. А что мы видим в Европе? Как только появились кризисные явления в экономике — в первую очередь начал страдать социальный сектор, то есть простые люди.

Впрочем, корень зла многих наших нынешних проблем, конечно же, лежит еще в Вискулях. Знаете, сколько времени потратила из-

вестная «троица» на прогноз дальнейших путей развития наших стран? Ни минуты! А будь это «цивилизованный развод» с просчитанными последствиями, многих сегодняшних трудностей попросту бы не существовало.

Нечто подобное можно сказать и о Конституционном акте. Чтобы он стал серьезным документом, думаю, сначала надо следовать навести порядок в экономике. Например, перейти в расчетах за потребляемые Беларусь российские нефть и газ на российский рубль, отказавшись от сегодняшней практики оплаты энергопоставителей валютой. Без этих первых шагов Конституционный акт имеет все шансы остаться профанацией.

В целом мое мнение таково: и единая валюта, и Конституционный акт в перспективе могут быть. Для этого требуется лишь одно: взаимное уважение и соблюдение всех взаимных условий.

Михаил КОВАЛЕВ, декан экономического факультета Белорусского государственного университета, профессор:

— России Бог дал энергетические ресурсы, нам — выгодное географическое положение, и при объединении потенциалов у нас многое получится.

Недавно, например, были озвучены планы о слиянии МАЗа и КАМАЗа. Речь, как мне представляется, идет об объединении усилий в конкурентной борьбе на общих рынках. Очевидно, что это отвечает интересам как Беларуси, так и России. Известно, что автомобильный завод при нынешней конкуренции может выстоять, если он производит легковых автомобилей не менее полумиллиона, а грузовых машин — около ста тысяч. Сегодня КАМАЗ для продажи на внешних рынках производит порядка 35 тысяч, МАЗ —

объединения, чтобы это действительно был крепкий, взаимовыгодный союз. В этой ситуации нужно, наверное, подключать не только МАЗ и КАМАЗ, но и сопутствующие структуры, те же моторные заводы в Ярославле и Минске. Тогда действительно получится дорожающая транснациональная корпорация мирового масштаба.

Точно так же объединение «Беларускалия» с «Уралкалием» и «Сильвинитом» родит мощного игрока на рынке калийных удобренй, которому будет легко разогнать с канадскими конкурентами и диктовать цены покупателям. При этом не стоит забывать арабских или европейских инвесторов, откуда могут прийти большие деньги или новые технологии.

Если мы работаем вместе в Союзном государстве, нам надо научиться договариваться, чтобы это

пошлин лучше, но очевидно также, что существующее соглашение с премией российским нефтетрейдерам не соответствует букве Единого экономического пространства. По любым правилам нефть в пределах общей таможенной территории должна продаваться по единым ценам для всей таможенной территории плюс надбавки за транспортировку, но никак не премии за то, что мы построили, модернизировали наши НПЗ. Они работают сегодня эффективнее большинства российских, и, полагаю, только поэтому мы должны выплачивать премию в 46 долларов на каждую тонну нефти российским нефтетрейдерам, то есть должны делиться доходами, полученными от перетонки нефти.

На мой взгляд, это несправедливо. Впрочем, и белорусской стороне тоже надо быть лояльнее к российским компаниям, чтобы им было выгодно организовывать переработку углеводородов у нас. При таком подходе Беларусь может превратиться в нефтяной кластер, как Голландия например.

В недавнем прошлом между Беларусью и Россией то и дело вспыхивали так называемые торговые войны. Мировой опыт показывает, что даже в сильно интегрированном ЕС тоже возникают подобные конфликты. Понятно, что конкуренция есть конкуренция. Ситуация усугубляется тем, что в России почти каждый рынок сильно монополизирован и монополистам хочется чуть-чуть придать менее мощных конкурентов.

Но поскольку Беларусь, Россия и Казахстан формируют Единое экономическое пространство в рамках Таможенного союза, должны быть созданы равные условия для всех субъектов хозяйствования, без всяких льгот и преференций.

Вообще, у Единого экономического пространства главным лозунгом должно стать строительство общими усилиями экономики знаний, а не только новых трубопроводных магистралей, которые будут выкачивать национальные ресурсы. Надо вместе думать над тем, как восстановить былую технологическую мощь СССР в новых формах, в новых экономических реалиях. Поэтому более четко необходимо координировать усилия науки, создавать единую инновационную систему с общими правилами. Было бы отрадно, если мы стремились бы не столько поглощать заводы друг друга, сколько создавать общие венчурные фонды, которые финансировали бы инновационную деятельность и на территории Беларуси, и на территории России. В этом случае мы действительно стали бы конкурентоспособными в экономике двадцать первого века.

Сергей КИЗИМА, заведующий кафедрой международных отношений Академии управления при Президенте Беларуси, доктор политических наук:

— Если посмотреть на историю Союзного государства, то возникает закономерный вопрос: кто и с кем мог начать интеграционные проекты после краха Советского Союза? Кто с кем мог бы интегрироваться, чтобы, по крайней мере, частично компенсировать понесенный в результате распада СССР ущерб?

К примеру, можно ли было ожидать, что Украина и Молдова начнут каким-то образом создавать свое союзное государство? Если посмотреть на устремления элит этих стран, которые ориентированы на разные государства в ЕС, на значимость влияния США в этих странах, на те конфликты и кризисы, что были у них в истории, то становится очевидным — такой интеграции ожидать было трудно. Невозможно было такое объединение Украины и с Россией, потому что Киев изначально взял очень сильный политический и экономический крен на западные страны, там восприняли не только антисоветские, но и антирусские настроения.

Если взглянуть на центрально-азиатские государства, то у них есть очень серьезные и многообразные противоречия. И мы помним, что единственная попытка создать какое-то самостоятельное интеграционное образование в данном регионе безуспешно закончилась четыре года назад, а разработанные проекты успешно реализуются в рамках ЕврАзЭС.

Получается, только в Беларуси и России на тот момент было достаточно много политических, экономических, культурных и социальных факторов, которые способствовали возобновлению союзных проектов.

Чего ожидать в ближайшее время в белорусско-российских отношениях?

Заседание союзного Совмина в марте этого года в Минске дало определенный повод для оптимизма. Подписание соглашений о сотрудничестве в области атом-

ной энергетики, в космической сфере я оцениваю как чрезвычайно позитивный знак, который будет способствовать инновационному росту экономик обеих стран. Беларусь здесь будет не только реципиентом-принимателем современных технологий, но и сможет кое-чем поделиться сама. Но ведь таких взаимовыгодных проектов можно найти еще очень и очень много.

В политическом плане в ближайшие годы предстоит выявить, где и в каких сферах можно реализовывать такие мероприятия, которые будут полезны и для России, и для Беларуси. Тогда Союзное государство действительно наполнится новым смыслом и новым, полезным для наших народов содержанием.

Безусловно, Союзному государству сегодня необходимо определить свое место в ряду других интеграционных объединений. В данный момент на слуху прежде всего Таможенный союз и формируемое Единое экономическое пространство Беларуси, России и Казахстана. Можно смело утверждать, что большинство постсоветских государств с большим интересом наблюдают, как будут реализовываться заявленные планы. Их интересует, какие преференции получат каждый из участников, в чем будет выгода каждого, нет ли какой-нибудь угрозы для суверенитета политического.

Если в ЕЭП организовать деятельность строго по каждому пункту, ответ будет однозначно положительный: да, перспективы хорошие. Но мне представляется, что Казахстан пока не готов на ту степень интеграции, которая сейчас есть в Союзном государстве. Будучи одним из крупнейших в мире государств по территории, с огромным количеством сырьевых ресурсов, Казахстан испытывает гораздо меньшую потребность в развитии отношений с Россией в области сырьевого потенциала, но последнее очень привлекательно для Беларуси, имеющей отлаженное производство, но, к сожалению, обладающей небольшими сырьевыми ресурсами. Эти аспекты, как экономические, так и политические,

приводят к тому, что Таможенный союз и ЕЭП более интересны для Казахстана, чем Союзное государство на троих. Поэтому я не вижу никаких политических угроз для Союзного государства, прежде всего в рамках Таможенного союза и ЕЭП.

С другой стороны, Союзному государству сегодня нужны именно те проекты, которые будут вышивать имидж как внутри, так и за пределами территорий наших стран. Потому что, когда извне смотрят на Союз Беларуси и России, видят огромную Россию и крохотную, в сравнении с ней, Беларусь, вопрос для каждого не в том, что Беларусь может сделать для России, а в том, чем гигантская и богатая Россия, ядерное государство и член Совбеза ООН, способна быть полезной для Беларуси.

Российская сторона, уже исходя из своего потенциала и возможностей, может предложить очень много интересных вещей. К примеру, когда Россия идет в какое-либо латиноамериканское или азиатское государство, почему бы не пригласить к участию в совместных проектах Минск. Мы знаем, что российская экономика в 20 раз больше белорусской, по чему бы не дать белорусской стране в каком-либо проекте 5%. В ответ, естественно, и Беларусь должна поступать так же. В результате по всему миру будет воз-

никать множество союзных белорусско-российских экономических проектов, где каждая сторона будет иметь свой экономический интерес. Таким образом и развиваются интеграционные образования, которые могут функционировать веками. Все это выстраивается мудрыми политическими жестами на основе прежде всего солидарности друг к другу, потому что от друга ждут не судного процента, а взаимной помощи и надежности по всем насущным вопросам.

Беларусь расположена близко к Европейскому союзу. Именно поэтому в советское время в Беларусь активно развивали крупные промышленный комплекс с прицелом на экспорт готовых товаров, в том числе в те союстраны, которые теперь в составе ЕС. Сейчас ситуация даже улучшилась. Беларусь находится на границе громадного европейского рынка в 500 миллионов потребителей. В данный момент это один из самых больших рынков сбыта в мире, на равных конкурирующий с США. То есть любое предприятие, которое на основе современных технологий и обильного инвестирования, с продуманным бизнес-планом и хорошими маркетинговыми специалистами построит Россия на территории Беларуси, принесет несомненную прибыль обоим государствам.

Госсекретарь Союзного государства Павел БОРОДИН:

«В нашей крови — общий дух славянства, патриотизма, стремления к справедливости и солидарности. И это как надежный фундамент для нашего строительства. Наши народы знают, что в любой трудной ситуации мы будем помогать друг другу. И это чувство солидарности и конкретная помощь помогают пережить любой кризис».

треть от этого количества. Разумеется, это не так много. Если мы не объединим свои усилия, то рано или поздно и россиянам, и белорусам придется использовать китайские автомобили.

В мире есть примеры удачных и неудачных объединений автомобильных заводов. Например, совладельцем КАМАЗа является «Даймлер-Бенц», но у него есть неудачный пример объединения с «Крайслером». В наших условиях важно так проработать условия

было действительно Единое экономическое пространство. Но, увы, пока же еще остается ряд нерешенных вопросов.

Например, соглашение по нефти на 2011 год явно лучше предшествующего соглашения. По крайней мере, Таможенный союз перестал быть «полутаможенным», когда он был таможенным для импорта, но не был таможенным союзом для экспорта, и на границе Беларуси с Россией взиались пошлинны. Ясно — без

Михаил РЕМИЗОВ, президент Института национальной стратегии:

— Если говорить о том, что препятствует рассмотрению и принятию Конституционного акта Союзного государства Союза Беларуси и России, то ни Москва, ни Минск не готовы выстраивать сильные наднациональные органы и делегировать им часть своего суверенитета. В конечном счете, это вопрос о власти, и решить его довольно сложно, особенно в ситуации, когда экономические и административные системы наших стран отнюдь не сближаются, а правящие элиты с трудом находят общий язык даже по менее судьбоносным вопросам. Стороны де-факто, по умолчанию законсервировали проект Союзного государства на существующем уровне интеграции, когда можно говорить об общем экономическом или гуманитарном пространстве, но никак не о совместной государственности.

Что касается проблем на пути к Единому экономическому пространству в рамках Таможенного союза, то часть этих проблем широко обсуждается. Это условия поставок нефти и газа, условия доступа к российской трубопроводной системе. Будут ли они равными для резидентов Единого экономического пространства?

Есть проблемы, связанные с выравниванием уровней таможенных пошлин, которые были

приняты в трех странах. Как долго будут сохраняться существующие изъятия из общих правил Таможенного союза по автомобилям и другим товарным группам? Как будет решаться и вообще будет ли эффективно решена ситуация с полупрозрачной границей Казахстана с Китаем?

Есть и, казалось бы, технические, но, возможно, даже более сложные проблемы, которые встают перед госструктурами трех стран. Это вопрос об административном обеспечении таможенного и экономического союза. О координации национальных структур или создании наднациональных структур для таможенного контроля, пресечения контрбанды, для экономического регулирования в целом. Ведь ЕЭП будет касаться уже не только таможенных границ. И вопрос о полномочиях наднациональных регулирующих органов здесь тоже может встать в полный рост.

Серьезным политическим испытанием для проекта ЕЭП может стать вступление каждой из стран в ВТО. В свое время российский премьер в присутствии своих коллег заявил, что будут вестись переговоры о вступлении в ВТО единой таможенной территории. Потом, однако, позиция пересмотрели. Даже если страны информировать друг друга о ходе переговоров и согласовывать условия, это еще не гарантирует того, что условия вступления окажутся одинаковыми и позволят создавать реальный экономический союз.

И наконец вопрос о единой валюте. Это одна из нерешенных целей Союзного государства. Вероятно, столь же недостижимая, как и Конституционный акт. Для Республики Беларусь движение к валютному союзу будет связано с ограничением финансового суверенитета. В силу различия в масштабах экономики единый эмиссионный центр может находиться только в Москве, и Минск, естественно, опасается сокращения свободы маневра в экономической политике. Тем более что правительства наших стран имеют явно разные подходы к финансовой политике. В одном случае — монетаризм и установка на финансовую дисциплину. В другом — поддержка внутреннего спроса, высокий уровень госрасходов, активная эмиссия. Примером того, к чему приводит валютный союз в отсутствие скоординированной финансовой политики, являются сегодняшние проблемы в зоне евро. И это при том, что в зоне евро долго согласовывались общие для всех участников макроэкономические показатели. В странах ЕЭП об этом только начинают говорить.

Тем не менее нынешний валютный кризис в Беларуси дает России повод вернуться к вопросу о валютном союзе. Российский министр финансов недавно назвал этот вопрос несвоевременным. Однако, на мой взгляд, с точки зрения стратегических интересов РФ он гораздо более важен, чем вопрос о приватизации белорусских активов.

Юрий ПАРИК, руководитель Белорусской группы развития:

— Союз Беларуси и России и Союзное государство появились на постсоветском пространстве как лидерская реинтеграционная инициатива, как свидетельство неизбежности признания того очевидного факта, что новые независимые государства, эти «кусочки» постсоветского пространства по отдельности маложизнеспособны. Это касалось и касается даже самого большого государства из бывших советских республик — Российской Федерации. Не стоит забывать, что 1996 год, когда был заключен Союзный договор между Беларусью и Россией, это еще и период тяжелой и кровавой войны в Чечне, период, когда территориальная целостность Российской Федерации была под вопросом.

Сегодня уроки того времени во многом забыты и у части российской элиты складывается впечатление, что на основе «перезагрузки» с Западом и высоких цен на нефть всякие угрозы суверени-

тету России будут устранены навсегда. К сожалению, приближающаяся разрушительная вторая волна глобального финансово-экономического кризиса, а также эфемерность «перезагрузки» могут уже через 2-3 года опровергнуть это убеждение.

Тем не менее, независимо от нынешнего состояния двусторонних отношений, Союзное государство продолжает оставаться наиболее продвинутой интеграционным образованием на постсоветском пространстве. Очень важно, что эта структура строилась и развивалась вокруг процесса восстановления кооперативных связей между промышленными и иными предприятиями России и Беларуси. То есть в основе динамики союзного строительства лежала динамика реинтеграции реальной экономики, реальные проекты восстановления производственных процессов.

Если говорить о некотором «поворотном пункте» в развитии Союзного государства, когда позитивная динамика сменялась стагнацией, то, конечно, следует обратить внимание на период

после 2001 года, когда в результате действий США и их союзников в Афганистане и затем в Ираке начался рост цен на нефть. С одной стороны, давая российским сырьевикам сверхприбыли, данный фактор сделал малоинтересными вложения в перерабатывающие отрасли, в технологически сложные производства. С другой же стороны, сами производственники, надо это признать, не предложили на новом этапе прорывных и действительно привлекательных проектов, позволяющих выходить на создание сверхстоимости в 3-5-летней перспективе. И такая слабость сторонников интеграции стала важным фактором в усилении роли «сырьевого фактора» в белорусско-российских отношениях. Ну а интересы российских сырьевых корпораций по определению прямо противоположны интересам белорусских компаний как потребителей сырья.

Однако нельзя сказать, что в нынешней ситуации нивелировать указанное противоречие невозможно. Компромисс по «сырьевым» вопросам возможен, толь-

ко если он закреплён, «зацементирован» полным консенсусом по другим направлениям, где интересы двух стран действительно совпадают. А таких вопросов в настоящее время более чем достаточно. Одно лишь сотрудничество в рамках ОДКБ, в которой сегодня председательствует Беларусь, открывает перспективу тесных политических и экономических контактов по целому ряду направлений — по афганскому, по проблеме борьбы с наркотрафиком, по вопросам инфраструктурного развития Средней Азии и многим другим. Однако использование этих уникальных возможностей требует резкой активизации белорусской внешней политики, использования инструментария неправительственной дипломатии, проведения медиакампаний и так далее. Все это непривычно и в новинку, но альтернативой данному пути является лишь дальнейшее ухудшение белорусско-российских отношений, которое приведет наши страны к тому, что мы окажемся неподготовленными ко второй волне глобального кризиса.